

EWA SADZIŃSKA

0000-0003-2045-8310

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej

90-226 Łódź

ul. Pomorska 171/173

ewa.sadzinska@uni.lodz.pl**«ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ...»:
К ВОПРОСУ О ДАЧНОМ ТОПОСЕ
В ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА****“THE GUESTS WERE ARRIVING
AT THE DACHA...”: ON THE DACHA TOPOS
IN THE POETRY OF ALEXANDER KUSHNER**

Топос дачи – наравне с топосом города (Петербурга) и сада – является существенным элементом пространственной картины мира А. С. Кушнера. В статье рассматривается функционирование топоса в выбранных стихотворениях поэта, выявляется своеобразие пространственно-временной характеристики дачи и ее бытовых составляющих, а также указываются связи с литературной традицией. Обращаясь к дачной теме, поэт актуализирует богатую семантику топоса: дача как место уединения, приют поэта, место отдыха и труда, малая родина, (земной) рай.

Ключевые слова: дача, топос, дачное пространство, Вырица, А. С. Кушнер, поэзия.

The topos of the dacha – like the topos of the city (St. Petersburg) and that of the garden – is an important element of the spatial dimension of Alexander Kushner’s poetic world. The article attempts to trace the productivity and functionality of the topos in selected texts of this contemporary poet. Attention is drawn to the characteristics of the categories of time and space, the constituents of the life on the dacha, as well as connections with the literary tradition. When taking up the subject, Kushner updates the rich semantics of the topos: the dacha as a place of retreat for a poet, a place of rest and work, the little homeland, a paradise on Earth.

Keywords: dacha, topos, dacha space, Vyritsa, Alexander Kushner, poetry, literary tradition.

Дача как особый бытовой и культурный феномен русской жизни активно изучается с 1990-х годов как в русской, так и зарубежной науке, привлекая всё большее внимание специалистов различных дисциплин – историков, архитекторов, социологов, антропологов, литературоведов и др.¹

Дача – не просто место летнего отдыха, это образ жизни, особая культура, важная составляющая «загадочной русской души», один из символов национального менталитета русских. Для русской модели мира архетипический концепт «дара» (во всей его полисемантической)² играет чрезвычайно важную роль, и, как предполагает Татьяна Цивьян, «именно это стало основополагающим для формирования концепта „дачи” как неповторимо русско го явления»³.

Дачные традиции в России, как известно, очень крепки. Начиная с петровских времен на дачах (дачах-усадебках) любили жить и представители государственной власти, и столичные дворяне. С временем дача стала атрибутом городской жизни не только представителей элиты, но и менее зажиточных петербургских (а затем московских) обитателей (собственные и наемные дачи)⁴. Как считают исследователи, расцвет дач имел место в 1830–40-е годы XIX века, чему способствовало развитие железнодорожного транспорта. Самым «дачным» периодом Ольга Малинова-Тзиафета считает 1861–1914 годы⁵. Таким образом, золотой век русской дачи проходил на фоне заката дворянской усадьбы, а сама дача стала принимать

¹ См., напр.: Ю. М. Лотман, *Камень и трава* (1992), [в:] он же, *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург: «Искусство – СПб» 2002, с. 320–324; P. Deotto, *Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры*, «Europa Orientalis» 1997, № 16, с. 357–372; она же, *Дачная культура в Серебряном веке*, «Europa Orientalis» 2004: *Pietroburgo – capitale della cultura Russa / Петербург – столица русской культуры*, сост. А. д’Амелия, ч. II, с. 335–348; S. Lovell, *Summerfolk: A History of the Dacha 1710–2000*, Cornell University Press 2003; А. Конечный, *Петербургские дачи*, «Антропологический форум» 2005, № 3, с. 444–474; M. L. Caldwell, *Dacha Idylls. Living Organically in Russia’s Countryside*, University of California Press 2010 и др.

² Семантика лексемы «дача» во многом обусловлена ее этимологией – ср.: «дача первонач. «дарованная князем земля». См.: *Этимологический онлайн словарь русского языка Макса Фасмера*, [электронный ресурс] <https://vasmer.lexicography.online/%D0%B4/%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B0> [30.08.2018]. Слово связано с глаголом давать/дать, значит дар. Дар же может восприниматься и как награда, и как наказание (нежеланный, навязанный, ненужный, напрасный, случайный и т. п.).

³ Т. В. Цивьян, «Дача» и «дачники» в русском представлении. *Предварительные материалы*, [электронный ресурс] http://www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_civjan_dacha.doc [28.08.2018]. Разрядка автора.

⁴ Ю. М. Лотман, *Камень и трава...*, с. 322; S. Lovell, *Summerfolk...*, с. 8–13.

⁵ Более подробно об этом см.: О. Ю. Малинова-Тзиафета, *Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914)*, Санкт-Петербург: ЕУСПб 2013.

социально-культурные функции «дворянского гнезда»⁶. К концу XIX века она становилась постоянным элементом социального ландшафта, доступным почти всем слоям русского общества. В названный период (т. е. дореволюционный) дачи стали также приобретать статус неких «культурных адресов», с которыми были связаны судьбы вольнодумствующих интеллигентов, поэтов и писателей, художников (ср. Комарово, Переделкино, Куоккала) и их литературных героев (напр., чеховские персонажи)⁷.

Для советского человека дача была, по словам Т. В. Цивьян, единственным проявлением частной жизни, пространством, где он мог проявить свою индивидуальность, пространством его внутренней эмиграции⁸. В послевоенный период дача стала местом физического труда и существовала в нескольких ипостасях: госдача, дача городского дачного хозяйства, дачный кооператив и садоводческое товарищество⁹.

Так, на протяжении веков дача и «дачная» культура развивалась, претерпевая принципиальные изменения. В разные эпохи – императорскую, советскую, постсоветскую – дача всё же оставалась ценностно значимой. Близость дачной жизни к миру природы, простые домашние радости, чаепития на веранде, вечерние разговоры с близкими, лесные прогулки, ощущение свободы и независимости – всё это составляющие дачной жизни, непременно притягивающие всё новые поколения.

В наше время для большинства россиян дача по-прежнему является неотъемлемой частью русского быта. Это место летнего отдыха и приятного времяпрепровождения, «второе жилище», духовное пристанище горожанина, «свой» уголок на земле. В современном русском обществе, по мнению британского историка Стивена Ловелла, попытавшегося, не без успеха, исследовать этот социокультурный феномен, дача – показатель принадлежности к среднему классу, средство преодоления урбанистических фрустраций, место возникновения интеллектуальных сообществ, источник существования¹⁰.

⁶ См.: В. Шукин, *Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1997, с. 212.

⁷ См.: Л. А. Якушева, *Драматургия дачной жизни в реальности и художественном произведении*, «Ярославский педагогический вестник» 2015, № 5, с. 342–347, [электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturniya-dachnoy-zhizni-v-realnosti-i-hudozhestvennom-proizvedenii> [28.08.2018].

⁸ Т. В. Цивьян, «Дача» и «дачники» в русском представлении..., [28.08.2018].

⁹ Л. Овчинцева, «Приют спокойствия, трудов и вдохновения» (рецензия на книгу: Stephen Lovell. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Cornell University Press, 2003. 275 p. / Стивен Лоувелл. *Дачники: История русских дач, 1710–2000*), «Отечественные записки» 2004, № 1, [электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_1-1_7.html [28.08.2018].

¹⁰ S. Lovell, *Summerfolk...*

О том, как на протяжении веков изменялась русская дача и как этот локус стал притягивать к себе, превращаясь в поэтическое пространство, как формировался и эволюционировал образ дачи (и дачника) в русской литературе, пишет и Василий Щукин в монографии о мифе дворянского гнезда¹¹. Исследователь рассматривает дачный текст как своеобразную трансформацию усадебного текста.

Так, по мнению В. Щукина, впервые в высокой литературе дача как культурная ценность (не просто как упоминаемый локус) была воспета К. Батюшковым в *Послании к А. И. Тургеневу* (1818), посвященном даче-усадебке президента Академии художеств А. Н. Оленина в Приютино¹². Затем представление о дачах, дачниках, дачном образе жизни во всем его многообразии вошло в русскую, а затем в мировую литературу благодаря произведениям А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, Б. Пастернака. Повышенное внимание образу дачи уделяли поэты рубежа XIX–XX вв. – Я. П. Полонский, В. Брюсов, Д. С. Мережковский, З. Гиппиус, А. Блок, затем В. В. Маяковский, И. А. Бунин, А. Ахматова. В художественном сознании второй половины XX века феномен дачи утвердился благодаря литературным произведениям А. Битова, Ю. Трифонова, С. Соколова, Т. Толстой, Л. Улицкой, Т. Бек, Б. Ахмадулиной, С. Гандлевского, О. Рубцова. В новом веке репрезентация дачного топоса продолжена в пьесах, романах (напр., Е. Г. Водолазкина) и лирике¹³. Вслед за своими предшественниками – и современниками – к художественному воплощению дачного локуса обращается и современный петербургский поэт – Александр Кушнер.

В статье рассматривается функционирование топоса дачи в выбранных стихотворениях поэта, выявляется своеобразие пространственно-временной характеристики дачи и ее бытовых составляющих, а также указываются некоторые связи с литературной традицией¹⁴.

¹¹ В. Щукин, *Миф дворянского гнезда...*

¹² Там же, с. 216.

¹³ См. об этом, напр.: Т. В. Цивьян, «Дача» и «дачники» в русском представлении...; Т. М. Жаглова, Т. Б. Яковлева, *Особенности создания и функционирования образа дачи в поэзии XIX – начала XX века*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2015, № 6 (48), ч. 1, с. 57–60; P. Deotto, *Дачная культура в Серебряном веке...*; В. Щукин, *Миф дворянского гнезда...*, с. 221–278; Л. А. Якушева, *Драматургия дачной жизни...* и др.

¹⁴ Стихотворения выбраны из сборников А. С. Кушнера: *Избранные стихи*, Санкт-Петербург: ООО Журнал «Звезда» 2016; *Меж Фонтанкой и Мойкой... Книга стихов*, Санкт-Петербург: Издательство «Арка» 2016; *Земное притяжение. Книга новых стихов*, Москва: Время 2015; *Вечерний свет: Стихотворения*, Санкт-Петербург: Издательская группа «Ленинздат», «Команда А» 2013; *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения. Статьи о поэзии*, Санкт-Петербург: Азбука 2011; *В новом веке. Стихотворения*, Москва: Прогресс-Плеяда 2006; а также из периодической печати.

Топос дачи – наравне с топосом города (Петербурга) и сада – является существенным элементом пространственной картины мира поэта. Его центральной локализацией становится Вырица¹⁵ – поселок городского типа в Гатчинском районе Ленинградской области, на берегах реки Оредеж, в 60 км южнее Санкт-Петербурга, где и находится дача поэта. По утверждению краеведов, гатчинская земля является одной из главных летних резиденций петербуржцев, начиная со II половины XIX века¹⁶.

Вырицкая история Кушнера берет свое начало в 1946 году, когда родители поэта три летних сезона снимали там дачу¹⁷. Затем, в 1963 году отец поэта С. С. Кушнер, подполковник, военно-морской инженер, купил в Вырице участок земли и построил дачу, недалеко от Третьей платформы¹⁸. Для Кушнера Вырица имеет особое значение – это, как утверждает сам поэт, одно из лучших мест на земле, большая радость, подлинное счастье, с ней связаны воспоминания о счастливом детстве, здесь он по-настоящему убедился в признании поэта¹⁹. Вырицкая дача – это и место творческого вдохновения поэта. Здесь им были созданы многие стихотворения, в которых отразилась вырицкая топонимика, русская природа, дачные особенности загородной жизни. На даче у Кушнера (на улице Урицкого) часто собираются его друзья-поэты – Яков Гордин, Глеб Горбовский, Дмитрий Быков²⁰.

Интересно упомянуть, что в Вырице отмечались два больших юбилейных праздника поэта. В 2011 г. – праздник 75-летия со дня рождения, в рамках которого прошла презентация книги *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения. Статьи о поэзии*. Тогда и родилась идея издать сборник, включающий стихотворения разных лет, написанные в Вырице и о ней. Таким образом, спустя пять лет появилась книга *Испытание счастьем*, составляющая 80 стихотворений. Ее презентация состоялась во время празднования 80-летия поэта в 2016 году²¹. Проблематика «дачных

¹⁵ Подробно об истории возникновения и развития поселка Вырица см. на сайте: <http://vugitsa.narod.ru/history.htm> [10.09.2018]; А. Барановский, *Дачный Петербург. Вырица при царе*, Санкт-Петербург: Остров 2005.

¹⁶ См.: А. В. Бурлаков, *Исторические страницы из жизни дачного поселка Вырица*, [электронный ресурс] <https://gatchinka.ru/nb/istoricheskie-stranitsy-iz-zhizni-dachno.html> [09.09.2018].

¹⁷ В предвоенные годы родители поэта снимали дачи и в других поселках гатчинской земли – в деревне Межно, поселке Прибыtkово. См.: А. В. Бурлаков, *Оредежские тропинки Александра Кушнера*, [электронный ресурс] <http://history-gatchina.ru/article/kushner.htm> [09.09.2018].

¹⁸ [Электронный ресурс] <https://gtm-pravda.ru/2016/10/06/vremena-ne-vibirajut-v-nih-zhivut-i-umirajut-viritsa-otmetila-jubiley-svoego-samogo-izvestnogo-dachnika.html> [08.09.2018].

¹⁹ См.: А. Бурлаков, *Исторические страницы из жизни дачного поселка Вырица...*, [09.09.2018].

²⁰ См.: А. Бурлаков, *Оредежские тропинки Александра Кушнера...*, [09.09.2018].

²¹ Книгу, тиражом в 50 экземпляров, оформили вырицкие художники (Борис Николаев, Виктор Мартиров, Владимир Свиридов, Георгий Семенов). См.: А. Рыбакова, *Вырица*

стихотворений» многогранна: о жизни, смерти, любви, о Боге, природе, бабочках, шмелях, шиповнике, сирени, о своем времени.

Обращение к дачной теме обнаруживается уже в ранних сборниках стихов Кушнера в 1960-е годы. Оно актуализировано и в начальных строках его стихотворений разных лет, ср.: «На даче, где речка да поле...» (1960-е годы), «За дачным столиком, за столиком дощатым...» (1980-е), «О, водить бы автобус из Гатчины в Вырицу...», «У нас меж Сиверской и Вырицей...», «Однажды на вырицкой даче...» (1990-е), «Заходили мы к даче с дремучей, лесной стороны...», «В декабре я приехал поведать дачу...», «Электроконтроль, приходивший на дачу...» и др. В них более или менее четко восстанавливается реальная топография вырицкого поселка и его окрестностей. Кроме прочно закрепившегося в стихотворениях Кушнера топонима Вырица, появляются также названия других дачных поселений в окрестностях Петербурга, кстати, связанных с биографией поэта (Межно, Прибыtkовo, Комаровo, Сиверская), названия местных рек (Оредеж, Орлинка), улиц, отдельные элементы ландшафта, напр.: леса (влажные зеленые), холмы, (северные, райские) рощи, каналы, которыми восхищается поэт во время велосипедных прогулок.

Кушнер использует традиционный набор образов и мотивов, характерных для дачного текста русской литературы: мотивы летнего зноя, дороги, сада, образы некоторых птиц и насекомых (жучки, пчелы, бабочки, стрекозы), акустические образы и запахи, флористические мотивы. Растительный мир особенно значим для его поэтической картины мира: это кусты (волококой куст сирени, высокий куст, жасмин) и деревья: сосны (сосновый лес), ели (еловые шишки, макушки, хорошие ели, еловая тень, пышные, зеленые елочки, ельник), клены, тополи, крапива, шиповник, иван-чай, кипрей. Они играют важную сюжетобразующую роль. Дачные деревья, кусты и цветы (как и, впрочем, городские, петербургские) индивидуализируются, обретают свои наименования, характерные признаки и душу. Нередко они выступают в роли не предмета изображения, а субъекта действия, главного героя, как, например, в пейзажных стихотворениях Бориса Пастернака²² (ср.: *Лопух*, «Так ветер куст...», «В наших северных рощах...», «Это чудо, что все расцвели...», «Первым на сцену является белый шиповник...», «Ночь в деревне завидует ночи в городе...» и др.). Составляющие дачного пейзажа олицетворяются, наделяются человеческими чертами – вырицкий

Александра Кушнера: «Испытание счастьем», [электронный ресурс] <https://gatchinka.ru/culture/vyritsa-aleksandra-kushnera-ispytani.html> [09.09.2018].

²² См.: А. Д. Сиянский, *Поэзия Пастернака*, [в:] Б. Пастернак, *Стихотворения и поэмы*, вступит. ст. А. Д. Сиянского, сост., подготовка текстов и примеч. Л. А. Озерова, Москва–Ленинград: Советский писатель 1965, с. 16.

чертополох ступает на ковер, розовый сиверский иван-чай переходит лесной ручей, реки спят, обнявшись. Ср.:

У нас между Сиверской и Вырицей, в колючках
Лесах, где Оредеж и Орлинка, две лучших
Реки на свете, спят весь день в обнимку, где
Тенисто, тихо так [...] ²³.

В другом стихотворении («Однажды на вырицкой даче...») река Оредеж уподобляется туманной пленнице – турчанке, которую хозяин дачи прячет в тайне от всех за кустами под обрывом.

Дачное пространство наполнено звуками. В стихотворениях Кушнера соносфера дифференцируется: это и естественные (хруст и шуршание листьев, свист, скрип, скрежетанье из кустов, пение птиц, мычанье и рёв коров), и человеческие (голоса слышны в саду, шумная компания, детский крик), и – реже – искусственные звуки (приятное мелькание велосипедных колес). Природные звуки в целом расцениваются лирическим героем положительно, как гармоническое целое.

Наравне с элементами ландшафта в лирику Кушнера входят и предметы повседневного дачного быта. Пристрастие поэта к вещам унаследовано им, как известно, у акмеистической традиции. Любой предмет (столлик – дачный, дощатый, мраморный, круглый, вкопанный, сырой, ветхий, старый; скатерть, спинка стула, диван, окно, дверь, шторы в окнах, веранда, терраса, счетчик двухтарифный, дощатый сарай, калитка/форточка), любая повседневная ситуация (встреча с соседом, визит электроконтроля, велосипедные прогулки по окрестностям, дачные посиделки с друзьями в саду) попадают в фокус внимания, становясь объектом переживаний и раздумий лирического «Я». Поэт от описания дачных будней нередко переходит к «вечным» вопросам жизни. Сочетание бытовой тематики с лирико-философским, бытийным подтекстом является отличительной чертой поэтической манеры Кушнера. Так, изображаемая бытовая ситуация (прием гостей на даче) проецируется на вечность, как, например, в стихотворении «Гости съезжались на дачу...», содержащем дополнительные литературные (пушкинские) и культурные реминисценции²⁴. Ср.:

²³ [Электронный ресурс] <http://www.vyritsa.narod.ru/vyritsa/poets.htm> [10.09.2018].

²⁴ См. об этом: E. Sadzińska, *Александра Кушнера диалог с Пушкиным*, „Acta Universitatis Lodzianae. Folia Litteraria Rossica” 2014, № 7: *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyki/ Русская литература XVIII–XXI вв. Диалог идей и эстетических ценностей*, ред. E. Sadzińska, A. Szymańska, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego 2014, с. 213–215.

Думашь: может быть, с пышной крапивой в канаве
Дачная жизнь повлияла на вечную жизнь,
Детализировав кое-что в ней и поправив²⁵.

Дачная природа способна также исцелять душевные раны. Так, в одном стихотворении 1976 года («В Италию я не поехал так же...») лирический герой жалуется на то, что его не пускают за границу, утешая себя:

Я в Вырицу поеду, там, в тенечке,
Такой сквозняк, и перелески щедры
На лютики, подснежники, листочки,
Которыми я рану залечу²⁶.

В большинстве рассматриваемых нами стихотворений пространство дачи маркировано как временное, сезонное. Среди темпоральных маркеров выступают времена года и части суток, метеорологические факторы. Из атмосферных явлений выбираются поэтом, как правило, солнце – зной, жара, ветер, реже дождь. Среди временных показателей преобладают названия летних месяцев и частей суток: июнь, июньский жесткий свет, июньский зной, свет солнечный, вечерний, дневной, вечернее солнце, летние сумерки, августовский зной, «в объятых августа, на склоне лета», хладный август, ночь, вечерняя/утренняя заря, ночной сквозняк, вечерняя тьма, полумрак, полублеск²⁷.

Картины дачной жизни, как правило, оптимистичны. Лирический герой относится ко всему, что его окружает на даче, как к редкому по красоте и гармонии миру – будто шум листьев, велосипедная прогулка, жара, которой, казалось бы, нет конца и начала, лай собак, крик детей. Характерным примером может служить стихотворение *Детский крик на лужайке*:

²⁵ А. С. Кушнер, «Гости съезжались на дачу...», «Новый мир» 2005, № 1, [электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/1/ku1.html [12.09.2018].

²⁶ А. С. Кушнер, «В Италию я не поехал так же...», [электронный ресурс] <http://kushner.rost-premium.ru/vosmidesyatye.html#22> [12.09.2018].

²⁷ Дополнительные коннотативные смыслы дачного топоса в стихотворениях Кушнера возникают при использовании образа пустой дачи. Вокруг него формируется набор смыслообразующих деталей и сюжетных мотивов, реализующих мысль о невозвратности мгновения и их ценности. К ним относятся описания осеннего дачного пейзажа, мотив прощания с миром насекомых или образ опустевшего после осени поселка, а также появление лирического героя на пустой даче зимой. Образы осенней/зимней дачи у Кушнера перекликаются с некоторыми текстами русской литературы. Многочисленные литературные реминисценции и аллюзии, отсылающие к предшествующей литературной традиции, заслуживают, однако, отдельного подробного анализа.

Детский крик на лужайке, собака,
Меж детей...
Вот он, рай на земле, эти мошки
В предвечернем, закатном огне...
За деревьями – ближние дачи
Алый вереск и белая сныть.
Это вечность и есть, и бессмертье,
И любовь [...]»²⁸.

Кушнер делает дачную будничность праздником, праздником жизни и счастья. Локус дачи является пространством повышенной упорядоченности, гармоничности, счастья. Это символический образ вечности, подлинного бытия, освобожденного от исторических и политических событий. В одном из ранних стихотворений поэта читаем:

На даче, где речка да поле,
Да куст у плеча моего,
Приезд президента де Голля
Не значит почти ничего²⁹.

Осознавая важность события («Приезда ваш в Россию – страничка / Истории»), лирический герой предпочитает в то время прогулку в лесу:

Я встретил бы вас, но синичка
Поет, господин генерал.

Как можно предполагать, никакая слава, никакие политические события не стоят летней дачки. Здесь лирический герой Кушнера прислушивается к шуму ветра, деревьев, к пению птиц, присматривается к меняющимся состояниям природы, вдыхает запахи цветущих трав или скошенной травы. Ему нравятся черемухи, пышная сирень, полуденный зной, тень под кустом – «большого счастья не надо»:

Когда шумит листва, тогда мне горя мало [...]
Но так листва шумит, что, чем бы ни томила
Жизнь, весело сидеть за письменным столом³⁰.

²⁸ А. С. Кушнер, *Меж Фонтанкой и Мойкой...*, с. 246.

²⁹ Там же, с. 44.

³⁰ А. С. Кушнер, *Избранные стихи...*, с. 173.

Перечисленные выше временно-пространственные определения в стихотворениях Кушнера эмоционально и ценностно окрашены. Обращает на себя внимание экспрессивная лексика и восклицания, уменьшительно-ласкательные суффиксы, посредством которых выражается отношение поэта к природе и ее явлениям, окружающему миру, к себе самому (ср.: речка, синичка поет, жучки, паучки, листочки, елочки, солнышко, столик). Лирический герой – горожанин и дачник – чувствуется органичной частью природы. Это «свое» пространство, обжитое им, знакомое с детства.

Воспоминания о счастливом детстве, о семье (особенно об отце) крепко связаны с дачным топосом. В этом плане пространственно-временные отношения в стихотворениях Кушнера напоминают хронотоп идилии. Согласно Михаилу Бахтину, атрибутами идиллического хронотопа, наравне с воспоминаниями о детстве, являются: сочетание человеческой жизни и жизни природы, ощущение гармонического единения с природой³¹, только что отмеченные нами выше.

Так, в стихотворении «По рощам блаженных...» лирический герой Кушнера, гуляя с любимой по рощам, зеленым холмам и густым травам, восклицает, что «лишь в детстве ступал то таким!»:

Я ахну, я всхлипну, я вспомню деревню Межно,
Куда с детским садом в три года меня привезли, –
С тех пор я не видел блаженной земли³².

В процитированном фрагменте содержится и биографическая аллюзия. На гатчинской земле поэт побывал в возрасте трех–четырёх лет (в 1940 году), где с группой детского сада он провел лето в яслях в деревне Межно под Сиверской³³. Такие аллюзии, как уже отмечалось, встречаются не раз в «дачных стихотворениях» Кушнера. Ср.: «Я-то помню еще пастухов», *Запустение*, «Так вот они, другие берега...». В последнем, посвященном реке Оредеж, читаем:

Ты – жизнь моя, и детская привычка,
Купание, и сон, и колыбель³⁴.

³¹ М. М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, [в:] он же, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва: Художественная литература 1975, [электронный ресурс] <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop10.html> [03.09.2018].

³² А. С. Кушнер, *Меж Фонтанкой и Мойкой...*, с. 164.

³³ См.: А. Бурлаков, *Оредежские тропинки Александра Кушнера...*, [03.09.2018].

³⁴ [Электронный ресурс] <http://www.vyritsa.narod.ru/vyritsa/poets.htm> [03.09.2018].

Лирический герой – уже как взрослый человек – вспоминает детские ощущения, связанные с дачной природой (купание в реке, стадо коров на лугу, запах парного молока и земли, скошенной травы, физическую работу в дачном саду с отцом), связь с миром природы.

В свою очередь, воспоминания о сосновом лесу, пронизанном вечерним солнцем, связаны с источником его поэтического вдохновения:

Я верю с детства в это чудо,
Однажды вечером оно
Ко мне придвинулось оттуда,
Где было пламя зажжено³⁵.

Вслед за А. Ю. Арьевым можно сказать, что источник поэтического у Кушнера заключен в самой (вырицкой) природе, знакомой ему с детства³⁶.

Итак, в стихотворениях Кушнера дача предстает главным образом как место летнего досуга, своеобразный *locus amoenus*. Находящаяся среди сосновых и еловых лесов, она представляет собой уголок (земного) рая, в котором отражается полнота и гармония мира.

В заключение обратимся к процитированному уже стихотворению, начальные строки которого легли и в название статьи. В нем довольно ярко выражено отношение современного русского человека к даче и сложившемуся на протяжении веков устойчивому образу дачной жизни:

Гости съезжались на дачу, мы любим гостей.
Дачная жизнь утешение наше и радость.
После снегов белогривых и черных дождей
Нравится нам травянистость, холмистость, покатошь.

Белая ночь поднимает любую деталь
В статусе; призрачны ели и сосны, мы сами;
Чай на веранде; к воротам подъезд, посигналь;
Теплый туман комариный висит парусами.

Что вы читаете? С чем согласились в душе?
Кто вас смешит, развлекает и ловит на слове? [...]

Здесь мы имеем дело с творческим восприятием неоконченного пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу...» (1828). Как у Пушкина, кушнеровская дача представляет собой локус, настраивающий на определенное

³⁵ А. С. Кушнер, «В вечернем солнце медно-красный...», [в:] он же, *Вечерний свет...*, с. 102.

³⁶ А. Ю. Арьев, *Привычка жить (К 80-летию Александра Кушнера)*, «Знамя» 2016, № 9, [электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/9/privychka-zhit.html> [10.09.2018].

временпрепровождение (прием гостей, обсуждение прочитанных книг, чаепитие на веранде, разговоры «по душам», созерцание природы). Однако уже в первой строке стихотворения современного поэта задана переакцентировка семантики на контрастную, по отношению к тексту-источнику. Прецедентный текст включен в противоположный по смыслу и аксиологии контекст. Если у Пушкина подчеркнута строгая ритуализация поведения, характерная для городской светской жизни 1820–30-х годов (герои проводят день в столице на службе, вечер в театре, а затем отправляются на загородную дачу, соблюдают/или нет правила света), то у Кушнера изображены особенности современного дачного быта, свойственные городской интеллигенции. В стихотворении хозяева дачи и их гости предаются «милой скуке» с удовольствием и наслаждением, они прочно связаны с природой и культурной памятью.

Подведем итоги. В «дачных» стихотворениях Кушнера хронотоп соотносим с реальным географическим пространством. Художественное пространство дачи строится не только по законам реалистической эстетики (не столь по ее законам), а в большой мере мифологизируется, наделяется символическими смыслами и аксиологизируется. Дачный топос служит средством раскрытия мировоззрения лирического «Я», дает почувствовать, какие жизненные ценности для него как современного человека по-настоящему значимы. Поэт использует дачные образы с целью раскрыть счастье, способы его достижения.

Обращаясь к дачной теме, поэт ориентируется на предшествующую ему литературную традицию. В его лирике актуализируется богатая семантика топоса: дача как место уединения, приют поэта, место отдыха и труда, малая родина, (земной) рай.

References

- Aryev, Andrei Yu. „Privychka zhit (K 80-letiyu Aleksandra Kushnera)”. *Znamya*, No. 9 (2016). <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/9/privychka-zhit.html>.
- Bakhtin, Mikhail M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike*. In: *Voprosy literatury i estetiki*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1975. <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop10.html>.
- Baranovskii, Andrei. *Dachnyi Peterburg. Vyritsa pri tsare*. Sankt-Peterburg: Ostrov, 2005.
- Burlakov, Andrei V. *Istoricheskie stranitsy iz zhizni dachnogo poselka Vyritsa*. <https://gatchinka.ru/nb/istoricheskie-stranitsy-iz-zhizni-dachno.html>.
- Burlakov, Andrei V. *Oredzhskie tropinki Aleksandra Kushnera*. <http://history-gatchina.ru/article/kushner.htm>.
- Caldwell, Melissa L. *Dacha Idylls. Living Organically In Russia's Countryside*. University of California Press, 2010.

- Deotto, Patrizia. "Dachnaya kultura v Serebryanom veke". *Europa Orientalis* (2004): *Pietroburgo – capitale della cultura russa*, ed. Antonella D'Amelia. Part 2: 335–348.
- Deotto, Patrizia. "Peterburgskii dachnyi byt XIX v. kak fakt massovoi kultury". *Europa Orientalis*, No. 16 (1997): 357–372.
- Etimologicheskii online slovar russkogo yazyka Maksa Fasmera*. <https://vasmer.lexicography.onlinе/%D0%B4/%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B>.
- Konechni, Albin. "Peterburgskie dachi". *Antropologicheskii forum*, No. 3 (2005): 444–474.
- Kushner, Alexandr S. "Gosti syezzhalis na dachu...". *Novyi mir*, No. 1 (2005). http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/1/ku1.html.
- Kushner, Alexandr S. *Izbrannye stikhi*. Sankt-Peterburg: OOO Zhurnal "Zvezda", 2016.
- Kushner, Alexandr S. *Mezh Fontankoi i Moykoi... Kniga stikhov*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo "Arka", 2016.
- Kushner, Alexandr S. *Po etu storonu tainstvennoi cherty. Stikhotvoreniya. Stati i poezii*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2011.
- Kushner, Alexandr S. *Vechernii svet. Stikhotvoreniya*. Sankt-Peterburg: Izdatelskaya gruppa "Leninzdat", "Komanda A", 2013.
- Kushner, Alexandr S. *V novom veke. Stikhotvoreniya*. Moskva: Progress-Pleyada, 2006.
- Kushner, Alexandr S. *Zemnoe prityazhenie. Kniga novykh stikhov*. Moskva: Vremya, 2015.
- Lotman, Yuri M. *Kamen i trava* (1992). In: *Istoriya i tipologiya russkoi kultury*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 2002: 320–324.
- Lovell, Steven. *Summerfolk: A History of the Dacha 1710–2000*. Cornell University Press 2003.
- Malinova-Tziafeta, Olga. *Iz goroda na dachu: sotsiokulturnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)*. Sankt-Peterburg: EUSPB, 2013.
- Ovchintseva, Lyubov. „Priyut spokoistviya, trudov i vdokhnoveniya’ (retsentsiya na knigu: Stephen Lovell. *Summerfolk: A History of the Dacha 1710–2000*. Cornell University Press, 2003. 275 p.)”. *Otechestvennye zapiski*, No. 1 (2004). http://magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_1-1_7.html.
- Ryakova, Alyona. *Vyritsa Alexandra Kushnera: "Ispytanie schastiem"*. <https://gatchinka.ru/culture/vyritsa-aleksandra-kushnera-ispytani.html>.
- Sadzińska, Ewa. "Alexandra Kushnera dialog s Pushkinym". *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica*, No. 7 (2014): 213–215.
- Shehukin, Vasilii. *Mif dvorianskogo gnezda. Geokulturologicheskoe issledovanie po russkoi klassicheskoi literature*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997.
- Sinyavski, Andrei D. *Poezya Pasternaka*. In: Pasternak, Boris. *Stikhotvoreniya i poemy*. Moskva–Leningrad: Sovetskyi pisatel, 1965: 16.
- Tsivyan, Tatyana. "Dacha" i "dachniki" v russkom predstavlenii. *Predvaritelnye materialy*. http://www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_civjan_dacha.doc.
- Yakusheva, Lyudmila A. "Dramaturgiya dachnoi zhizni v realnosti i khudozhestvennom proizvedenii". *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, No. 5 (2015): 342–347. <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgiya-dachnoy-zhizni-v-realnosti-i-hudozhestvennom-proizvedenii>.
- Zhaplova, Tatyana M., Yakovleva, Tatyana B. "Osobennosti sozdaniya i funktsionirovaniya obraza dachi v poezii XIX – nachala XX veka". *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki*, No. 6 (48) (2015). Part 1: 57–60.